

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.343

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И ЕЕ СООТНОШЕНИЕ СО СМЕЖНЫМИ ГРУППАМИ

Ю.В. Каткова

Аннотация

В статье рассмотрена специфика интеллигенции в сравнении с группами интеллектуалов, профессионалов, предпринимателей, нового среднего класса и бюджетников. Либеральные концепции превращения интеллигенции в названные страты разделены на два типа, различающихся по методологической основе, теоретической аргументации, идейной направленности и степени социологичности. Обоснована необходимость институционализации интеллигенции на базе ее эксклюзивных функций в период реформ.

Ключевые слова: интеллигенция, функции интеллигенции, интеллектуалы, профессионалы, предприниматели, новый средний класс, бюджетники.

Функциональный подход к определению интеллигенции облегчает ей поиски своей идентичности и ее институционализацию. Однако с 1990-х годов в России господствует парадигма отрицания существования интеллигенции и ее гуманитарного компонента, популярны либеральные концепции ее превращения в иные страты. Фактически эти концепции необходимо разделить на **два типа**: 1) концепции «растворения» интеллигенции в категориях нового среднего класса, бюджетников и предпринимателей и 2) концепции замещения интеллигенции категориями интеллектуалов и профессионалов. Мы считаем, что они отличаются друг от друга по своей методологической основе, теоретической аргументации, идейной направленности и степени социологичности:

1) теории второго типа существуют на Западе с XIX в., и все это время их пытаются внедрить в отечественную социологию, тогда как теории первого типа для России относительно новы;

2) теории второго типа не являются собственно социологическими: они либо меняют термин «интеллигенция» на соответствующий, либо просто пытаются отсечь часть ее функций, в то время как теории первого типа вообще игнорируют специфику ее труда – как его характера, так и функций;

3) концепции первого типа просто располагают интеллигенцию на шкалах социального статуса (чаще всего на шкале способа получения и размера доходов), «растворяя» ее в более широких категориях, смешивая интеллигенцию

с близкими ей слоями. Фактически мы видим в этом новую попытку отмены интеллигенции, когда интеллигенцию заменяют новой стратой, относящейся: а) к высшим слоям (предпринимателям), б) к средним слоям (теория нового среднего класса) или в) к нижним слоям (идея замены прежних слоев категорией бюджетников). Отличаются и социальные последствия двух групп теорий, их воздействие на социум.

Рассмотрим концепции **первой группы** и их воздействие на процессы институционализации интеллигенции. *Концепцию замещения категории интеллигенции слоем интеллектуалов* обосновывают тем, что на Западе термин «интеллигенция» почти не используется, лишь неомарксисты и советологи употребляют его для описания разных феноменов стран, идущих по пути модернизации или революции. Отказ от термина «интеллигенция» вызван и тем, что интеллигенцию там часто определяют политически. Так, с точки зрения З. Баумана, интеллигенция – «это люди, которые в своей работе использовали интеллектуальную власть больше, чем физическое мастерство», и которые в коммунистическом обществе, прикрываясь защитой политической элиты, исполняли роль распространителя идеологии, тогда как понятие «интеллектуалы» употреблялось по отношению к экспертам, защищавшим важные ценности от власти (см. [1, р. 223, 230–231, 233]). А. Гэлл выделит «два важнейших отличия» между интеллигенцией и интеллектуалами. Первым является то, что интеллигенция – это диссиденты, интеллектуалы же – это специалисты (см. [2, р. 21]). Второе – в характере их институционализации: «По контрасту с группами интеллектуалов интеллигенция с самого своего начала возникла как социальная страта» [2, р. 2021]. Этим Гэлл подрывал свою идею приравнивания интеллигенции к диссидентам. Далее он указывал: «Что касается социальной страты, то это много больше, чем группа людей, объединенных определенными интеллектуальными интересами и политическими целями» [2, р. 21], поэтому «классическая интеллигенция... была социальной стратой, так как... она формировала широкий сегмент общества» [2, р. 21]. Тем самым он склонялся к объединению социальных и политических критериев.

А. Гоулднер считал интеллектуальный класс третьим, революционным классом на Западе, обладающим такими чертами, как владение культурным капиталом и культурой критического дискурса как специфической общностью речи, формирующей его идеологию. Гоулднер подразделял этот класс на противостоящие друг другу интеллигенцию и интеллектуалов: «В Новом Классе существуют по крайней мере две элиты: (1) интеллигенция, чьи интеллектуальные интересы в своей основе “технические”, и (2) интеллектуалы, чьи интересы, в первую очередь, лежат в плоскости критики, эмансипации, герменевтики и, следовательно, часто – политики». Однако гуманитарные интеллектуалы трудятся в сфере культуры, коммерциализируемой капитализмом, и потому противостоят власти. Техническая же интеллигенция, хоть и тоже революционна, все же более лояльна по отношению к власти, так как ей есть что терять (см. [3, р. 5, 8, 27, 48, 49, 52, 75, 91, 92]). Позиция разведения понятий «интеллигенция» и «интеллектуалы» продолжается в интеллигентоведении *постсоветских стран*.

В частности, в *Грузии* превалирует дискурс раскола интеллигенции на *две категории*: интеллигенцию старого советского образца и интеллектуалов. Г. Нодиа

отмечает, что между ними образовалась значительная брешь. З. Шатиришвили выделяет три различия между «старой» номенклатурной интеллигенцией и «новыми» интеллектуалами: в *дискурсе, институтах и языке*. Интеллигенция говорит по-русски как на своем втором языке, а интеллектуалы объясняются по-английски, ибо получали школьное образование на Западе. Интеллигенция работает в традиционных академических *институтах* (Академии наук и университетах) и творческих союзах, а интеллектуалы – в неправительственных организациях по грантам или в независимых медиа. *Дискурс* у интеллектуалов либеральный, проамериканский и этноцентристский, а у интеллигенции – левый, интернациональный, пророссийский (см. [4]).

В *Литве* Д. Сурдокайте также утверждает, что интеллигенция – исчезающий слой, распадающийся на интеллектуалов, профессионалов, рабочих сферы обслуживания и буржуазию (см. [5]). Согласно Л. Донскису, термин «интеллигенция» сегодня относится лишь к России. Он считает, что интеллигенция не создает ничего значительного и часто даже не имеет серьезного образования, эрудиции и профессионализма, тогда как у интеллектуалов есть творческая власть. Правда, это не соответствует его же определениям: «интеллектуал – это просто человек, создающий идеи и существующий в них, в то время как представитель интеллигенции – это идеолог, человек с моральными принципами, умело действующий, используя идеалы и идеи» (см. [5]). И. Гесине, заявляя о моральной слабости концепции интеллигенции, отмечает, что изменения 1990-х годов сломали старую организацию интеллектуальной жизни и формируют интеллектуалов, как на Западе (см. [5]). Тем самым эти исследователи подспудно продолжают традицию политического толкования интеллигенции. Сходные идеи выдвигает ряд российских авторов: Е. Элбакян, А.А. Казанцев, М.Б. Могильнер, И.А. Бутенко, Л. Гудков, Б. Дубин и др. Позицию данных исследователей обнаруживает то, как они соотносят понятия интеллигенции и интеллектуалов и кому отдают предпочтение. Вместе с тем создается впечатление, что названные авторы руководствуются лишь «Вехами» и трудами А. Гоулднера.

Используемые авторами термины не являются ценностно нейтральными и потому ненаучны. Конечно, интеллигенция стала более разнородной по статусу, ориентациям и формам деятельности, связи с разными формами собственности, что, однако, не отменяет единства ее социальных функций. Целесообразность дифференциации терминологии, описывающей старые и новые ее элементы, не означает необходимости отказа от общей дефиниции, объединяющей членов социальной группы. Вместе с тем категория интеллектуалов существует, не заменяя интеллигенцию, а в ее рамках – как итог недоразвития социальной системы. В ряде стран ограниченные лишь профессией интеллектуалы составляют основную часть интеллигенции, маргинализируя ее интеллигентное ядро. Интеллектуалы – часть интеллигенции, занимающаяся инновационной духовной деятельностью, а другая часть интеллигенции (полуинтеллигенция, управленцы и др.) не подпадает под категорию интеллектуалов.

Во многом те же цели ставит и сходные последствия имеет выдвижение *концепции замещения категории интеллигенции профессионалами*, глубоко проанализированная О.К. Степановой (см. [6, с. 47–48]), обосновавшей, что эта

концепция призвана деинституционализировать интеллигенцию, разбивая ее на ряд слоев, поставленных в один ряд с неспециалистами. Среди российских сторонников данной концепции можно назвать З.Т. Голенкову и Е.Д. Игитханян (см. [7]), Д.С. Попова (см. [8, с. 132]). Данные авторы осуждают идеологические и просветительские функции интеллигенции и надеются на ее превращение в деполитизированных профессионалов. Такая атака на единство интеллигенции (в сравнении с безразличием к единству рабочего класса) объясняется неприятием ее социальных возможностей. Социум не может существовать без социализаторской функции и особой миссии интеллигенции в обществе, позволяющей укреплять единство его духовных ценностей и способность к совершенствованию.

Далее рассмотрим концепции **второй группы** и их воздействие на процессы институционализации и идентификации интеллигенции. Смещение интеллигенции со смежными ей слоями также затрудняет названные процессы. Вместе с тем оно не просто мешает интеллигенции выполнять функции обоснования идентичности своего общества (как предыдущие концепции), но и лишает этот особый слой возможности инициирования перевода России на рельсы информационной цивилизации. С инструментальной стороны концепции второй группы подменяют главную специфику интеллигенции (особость ее социoproфессиональных функций, вытекающую из ее позиционирования в системе разделения труда) подсчетами ее доходов и рассмотрением ее места в отношении собственности, что никогда и не институционализировало, не специфицировало интеллигенцию. Авторы таких теорий механически замещают ее новой стратой, относящейся к высшим слоям (предприниматели), к средним слоям (теория нового среднего класса) или к нижним слоям (концепция замены большинства прежних слоев категорией бюджетников).

Так, концепция «растворения» интеллигенции в категории «предпринимателей» является еще одним вариантом вытеснения интеллигенции из российского социологического пространства и российской реальности, однако менее популярным, чем остальные. Одним из тех, кто предложил такую замену, является В.П. Модестов. Он пишет: «Те профессиональные функции, которые исследователи отводили только интеллигенции, а именно управление людьми и совершенствование основных общественных сфер, теперь не являются приоритетом только специалистов ... являются важнейшими в характеристике содержания предпринимательского труда. <...> [Интеллигенция,] постепенно утрачивают основные качества, а также разделяя с классом предпринимателей присутствующие только ей ранее сквозные функции, большое социальное образование, включающее в свой состав социально-профессиональные группы людей, выполняющих самые различные по предметному содержанию труда функциональные обязанности, все больше утрачивает свое общественное предназначение, а стало быть, и право на существование, как нечто единое целое» [9, с. 144, 145]. В ответ В.А. Беляев отмечает, что «растущее приобщение многих рабочих и крестьян, а теперь и предпринимателей, к умственному труду делают границу между интеллигенцией и традиционными производительными классами все более тонкой, подвижной, проницаемой. <...> Однако эти процессы не отменяют <...> самого наличия социальных групп. <...> Отрицание единства ин-

телигенции в случае ее сведения к <...> совокупности социальных слоев противоречит факту общности ее функций <...> ее необходимости для общества, проявляющейся в выполнении ею специфической миссии» [10, с. 73–74]. Фактически все, кто профессионально выполняет интеллектуальные функции, относятся к интеллигенции, независимо от связи с той или иной формой собственности.

Правда, А. Гэлла, признавая разнородность интеллигенции, все же отказывает ей в праве собственности: «Термин “интеллигенция” используется сегодня почти во всех индустриально развитых, а также развивающихся странах для обозначения группы или страты образованных, но не имеющих собственности людей» [2, р. 9]. Однако интеллигенция всегда обладала собственностью на свой культурный капитал, являющийся ее средством производства, и потому в этом отношении подобна мелкой буржуазии. Кроме того, даже наемный труд не является квалифицирующей характеристикой интеллигенции. Многие адвокаты, деятели религии и искусства (композиторы, художники, скульпторы, даже архитекторы, артисты цирка, эстрады, театра и кино, дирижеры, музыканты), отдельные ученые остаются «лицами свободных профессий», то есть являются и собственниками, и тружениками, но не наемными работниками у государства или буржуазии. Тем самым соединение функций интеллигенции и форм деятельности предпринимателей не является чем-то принципиально новым. На наш взгляд, появление класса предпринимателей и «вторжение» его на функциональную территорию интеллигенции свидетельствует не о «смерти» последней, а, наоборот, о расширении ее социальных границ и включении в нее части предпринимателей, ибо для интеллигенции более важны ее трудовые функции, нежели форма собственности.

Сторонниками замены интеллигенции существующим или формирующимся *новым средним классом* являются О.И. Шкаратан (см. [11, с. 95–97, 103]), А. Андреев (см. [12]) и др., *средним слоем* – Т.И. Заславская, М.Н. Руткевич (см. [13]). Более весомы аргументы ученых, выступающих против идеи растворения интеллигенции в новом среднем классе. Так, О.К. Степанова весьма обоснованно отрицает выделение среднего класса по критерию дохода (что ведет к сведению этого класса лишь к предпринимателям) и профессии (в таком случае средний класс будет сопоставим с категорией «интеллигенция») и считает более логичным критерием суммарный показатель доступа к распределению общественных ресурсов. Исходя из такого критерия представители интеллигенции распределяются по всей стратификационной вертикали: от вершины до основания, а не только в середине, что доказывает несопоставимость понятий «интеллигенция» и «средний класс» (см. [6, с. 48]). Таким образом, замещение категории интеллигенции средним классом чревато, на наш взгляд, исключением из социополитического дискурса небогатой и безвластной массовой интеллигенции. По мнению В.А. Беляева, «средний класс и интеллигенция не отрицают друг друга, так как выделяются по разным основаниям и образуют различные социальные общности: интеллигенция – межслоевая социальная группа внутри “среднего класса” (если таковой реализовался), выделяемая по своим социальным функциям <...> а средний класс чаще всего вычленяется <...> по менее значимому распределительному критерию и потому во всех странах включает весьма разношерстные категории» [10, с. 251–252].

На наш взгляд, не только критерии выделения среднего класса менее значимы, чем критерии выделения интеллигенции, но и сам он объединяет группы с противоположными интересами. В обществе существует заказ на миф о среднем классе, имеющий целью затушевать социальную деградацию массовой интеллигенции, деинституционализировать ее в один слой с мелкой буржуазией и вселить уверенность в высоком благосостоянии интеллигенции, а отсутствие такового у отдельных специалистов считать их личным недостатком. Неслучайно В. Сурков заявляет: «Средний класс фактически обрел социальную гегемонию и политическую власть. Если 80-е были временем интеллигенции, 90-е – десятилетием олигархов, то нулевые можно считать эпохой среднего класса. <...> Российское государство – это его государство» (см. [14]). Тем самым власти открыто объявляют себя проводником линии не интеллигенции, а мелкой буржуазии. Образование в РФ мало коррелирует с доходами: большинство людей с высшим образованием может быть отнесено к низшему классу. Неизбежность конфликта между старым средним классом (как нанимателем) и новым средним классом (как актором рынка труда) лишает концепцию единого среднего класса аргументации.

Третья концепция этой группы – *«растворение» интеллигенции в категории «бюджетники»* (М.Н. Руткевич, Р.В. Рывкина (см. [13, 15])). Суть данной концепции (как и иных) состоит в желании «очистить» интеллигенцию от чрезмерной идеологичности и от такого ее имманентного свойства, как народолюбие: интеллигенция, сострадающая народу, якобы исчезает при коммерциализации культуры, когда искусство трансформируется из аналитика социальных бедствий и нужд народа в сферу обслуживания приземленных интересов населения, в масскульт и шоу-бизнес, и при господстве рынка, когда техническая интеллигенция становится деидеологизированной технократией. Это и раньше не соответствовало реальности, а в условиях виртуализации социального пространства, превалирования символического и культурного капитала над традиционным, при решающей роли массмедиа такие концепции прямо ориентируют базовую интеллигенцию на деполитизацию, тогда как околовластные интеллектуалы остаются эффективным пропагандистом идей правящей бюрократии.

В отечественном дискурсе замена интеллигенции на аморфную категорию «бюджетников» осуществляется весьма простыми способами, по связи с государственностью, как у М.Н. Руткевича (см. [13, с. 41–42]). Действительно, на первый взгляд, бюджетников можно считать социальной группой, так как их социальный статус резко упал, что рождает общность интересов – возвращение им престижа и благополучия, в связи с чем они ориентированы на патернализм. В то же время эта группа крайне разнородна в отраслевом и статусном отношениях (к бюджетникам относятся как ректор вуза, так и ассистент, как главврач, так и нянечка, как главный инженер, так и рабочий), что показывает, что у такой категории социальные интересы часто не совпадают. Следовательно, невозможно всех бюджетников объединить в единый слой по главным слоеобразующим признакам. Их анализ в рамках функционального дискурса показывает, что функции у бюджетников весьма разнородны, среди них есть и функции прямого производства, и оказания материальных услуг, и функции развития

духовной культуры и управления людьми. Поэтому категория «бюджетников» не способна заместить слой интеллигенции, которая по-прежнему единственная профессионально реализует функции сложного умственного труда.

Институционализация интеллигенции происходит вопреки стремлениям ряда гуманитариев игнорировать ее социальную сущность, подменяя ее слоем профессионалов или интеллектуалов, лишенных специфической миссии, или растворяя ее в смежных категориях предпринимателей (как высшего слоя), среднего класса (как медианного слоя) или бюджетников (как слоя, находящегося внизу социальной шкалы). Однако общество, стремящееся сохранить свою идентичность, должно иметь слой, ее обосновывающий. Общество же, ставящее перед собой задачи вхождения в информационную цивилизацию, нуждается не просто в признании особости интеллигенции, а в артикуляции специфических социальных интересов интеллигенции, ее отличий от предпринимателей, чьи функции ограничены максимизацией прибыли, от среднего класса, заинтересованного лишь в стабилизации, сохранении имеющегося общественного уклада, и от категории «бюджетников», к которой не относятся фрилансеры интеллигенции и которая деидентифицирует интеллигенцию. Последний процесс ставит ее сиюминутные интересы выше ее общенациональных, коренных интересов в предложении путей достижения новой цивилизации и реализации для этого ее интеллектуальных проектов, отвечающих на вызовы времени, во внесении своих идей в массу.

Summary

Yu.V. Katkova. Institutionalization of Russian Intelligentsia and Its Correlation with Closely-Related Groups.

This article views specificity of intelligentsia in comparison with groups of intellectuals, professionals, entrepreneurs, new middle class and budgetniks. Liberal conceptions of transformation of intelligentsia into these strata are divided in two types, differing in their methodological bases, theoretical argumentation, ideological orientation and degree of relevance to sociology. The paper substantiates necessity of institutionalization of intelligentsia on the basis of its exclusive functions.

Key words: intelligentsia, intelligentsia functions, intellectuals, professionals, entrepreneurs, new middle class; budgetniks.

Литература

1. *Bauman Z.* Intellectuals in the Postmodern World // *Life in Fragment: Essays in Postmodern Morality.* – Oxford: Basil Blackwell, 1995. – P. 223–243.
2. *Gella A.* An introduction to the Sociology of the Intelligentsia // *The Intelligentsia and Intellectuals. Theory, Method and Case Study / Ed. by A. Gella.* – L., 1976. – P. 9–34.
3. *Gouldner A.* *The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class.* – N. Y.: Seaburypress, 1979. – 121 p.
4. *Shatirishvili Z.* “Old” Intelligentsia and “New” Intellectuals: The Georgian Experience // *Eurozine.* – 2003. – 26 June. – URL: <http://www.eurozine.com/articles/2003-06-26-shatirishvili-en.html>, свободный.

5. *Surdokaite D.* The intelligentsia or intellectuals? // Internet magazine «sociumas.lt». – 2000. – 21 Nov. – URL: <http://ei.libis.lt:8080/arc/2002-10-27/0/de7db4966c8fb1d7f565e26b984f0451>, свободный.
6. *Степанова О.К.* Понятие «интеллигенция»: судьба в символическом пространстве и во времени // Социол. исслед. – 2003. – № 1. – С. 46–53.
7. *Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д.* Профессионалы – портрет на фоне реформ // Социол. исслед. – 2005. – № 2. – С. 28–36.
8. *Попов Д.С.* Бескрылый Пегас интеллигенции // Социол. исслед. – 2006. – № 3. – С. 128–134.
9. *Модестов В.П.* Можно ли сейчас говорить об интеллигенции? // Тонус. – 1998. – № 4. – С. 141–145.
10. *Беляев В.А.* Отечественная интеллигенция и ее роль в политике. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. – 316 с.
11. *Шкаратан О.И.* Тип общества, тип социальных отношений. О современной России // Мир России. – 2000. – № 2. – С. 63–108.
12. *Андреев А.* Средний класс в России // Портал «Русская Цивилизация». – 2007. – 11 окт. – URL: <http://www.rustrana.ru/print.php?nid=5160>.
13. *Руткевич М.Н.* Трансформация социальной структуры российского общества // Социол. исслед. – 2004. – № 12. – С. 41–46.
14. *Закатнова А.* Средний – это класс // Рос. газета. – 2008. – 4 дек.
15. *Рывкина Р.В.* Интеллигенция в постсоветской России. Исчерпание социальной роли // Социол. исслед. – 2006. – № 6. – С. 138–146.

Поступила в редакцию
03.06.09

Каткова Юлия Витальевна – ассистент кафедры социологии, политологии и менеджмента Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева.
E-mail: yuliya-katkova@mail.ru